

Данил Казаков

Возрождение из пепла

16+

Данил Казаков

Возрождение из пепла

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Казаков Д. В.

Возрождение из пепла / Д. В. Казаков — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Женщина с детьми спешно бежит от немцев, оставляя на печке больного сына. За войну у неё от голода умирают две младшие дочери, сын со старшей дочерью тяжело работают. Им приходится просить милостыню. Только через 4 года они возвращаются домой. Там их встречает инвалид-муж, который сообщает, что их сын лежит в госпитале.

Содержание

Вечер	5
Утром	7
Немцы	9
Вечер и ночь	12
Эвакуация	14
Привал	17
Выбор	20
Дорога	22
Домик лесника	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вечер

Деревня Горьковы, затерявшаяся в лесных чащобах, готовилась к эвакуации. Вернее, они больше делали вид, что готовились. Выкопанную картошку в подполье не высыпали, заготовленное сено ближе к дому не подвозили. Колхозное стадо коров уже перегнали далеко за Москву. А селяне всё находили причины задержаться в деревне. Им не верилось, они ни как не хотели поверить, что немцы дойдут до них. Москва совсем близко – куда ещё отступать? Газеты столько много твердили о непобедимости красной армии, должна же она наконец остановить врага. Уверенности жителям придавало продолжавшаяся прежняя жизнь в деревне. Только колхозных коров не слышно, но всё также молчаливо стоят молодые берёзки у правления колхоза и школы. У магазина, под охраной высокой осины, каким то чудом выросли два клёна с широкими листьями. Невиданные раньше в деревне растения взрослые приказывают малышам оберегать – пусть в их деревне растут такие забавные деревца. Также по вечерам кружится над ними стая ворон. Медленно опадают жёлтые и оранжевые листья, срываемые холодным ветром и дождём. У колодца, примостившегося у стаи елей, собираются бабы. Они дружно ободряют и уверяют друг друга, что ни куда они из родной деревни не поедут. В крайнем случае война пройдёт их стороной. Жители всматривались в небо, такое родное и знакомое, сейчас хоть и затянутое хмурыми облаками. Вслушивались в звуки, такие привычные и родные и шли копать картошку. Скотина вся спрятана в тёплые стойла. Только собаки иногда выбегают на улицу и лениво взирают. Ребятишки тоже осторожно носятся по улице, играют в «ляпки». Игра держится в основном на детей Мани Дерман, пока мать не загоняет их домой. Старая Матрёна тяжело слезает с печки, цепляясь за кровать, прислоняется к окну. Она долго всматривается в знакомое очертание деревни. Деревья с облетающей листвой, пожухлые заросли крапивы, что тянутся вдоль забора, потемневшие очертания домов. На огородах копошатся люди, стремясь быстрее выкопать картошку. Старуха чутко вслушивается в доносившиеся звуки, открыв рот и прильнув ухом к стеклу. С соседнего огорода доносятся крики соседей. Там работают трое почти взрослых, они быстро выкопают. А её Татьяна управляется одна. Её десятилетний внук Васька, не надёжный помощник. Сын с внуком ушли на фронт. Моросит мелкий дождик. За его пеленой скрывается озеро, соседние дома, улица и окрестные поля. Мелкие капли осеннего дождя плавились в мутной воде тихого озера, шелестели в увядшей картофельной ботве, разжижали и так слякотную почву поля. Капли скапливались и скатывали с поникших спин женщины, парня и девчушек. Тяжелели их старенькие пальтишки, замерзали ручки. Парень копал торопливо, откидывая картошку ближе к ведру. Женщина, сгорбившись, таскала набранные клубни картофеля, пряча их лёгкий сарайчик, за поленицей дров. Четырнадцатилетняя девочка старательно очищала картошку, пока парень не прикрикнул на неё.

– Ленка, бери только крупные картошки и не обтирай их, времени нет. Всё равно с собой много не заберём, тяжело нести, и немцы близко.

Их младшие сестрёнки-близнецы, трёх лет тоже подбирали картошку, высматривая клубни в серой грязи. Они старались помогать старшим. Помощи от них было чуть, но девочкам было страшно оставаться одним в пустом доме. Там в каждом углу притаилось по чудовищу, а ветки берёзы так противно скребут по стеклу.

– Вальке с Танькой пора бы в избу бежать. Толку от них нет.

– Хоть не мешают и то хорошо – отозвался парнишка. Он торопливо собирал картошку, вырытую братом, и помогал матери таскать наполненные ведра. Серёжке хотелось походить на Мишку, которого отец, уходя на войну, оставил вместо хозяина. Ноги увязали в грязи всё сильнее, руки отказывались удерживать картошку, наступившая темнота мешала отличить клубни от комка земли.

– Хватит на сегодня, хоть бы это сохранить – скомандовала наконец Мария.

На соседних огородах также заканчивали выкапывать картошку. Топились печи, дым смешивался с сырым горьковатым воздухом, лениво поднимался к небу.

На ужин мать поставила по кружке молока, по паре картошек и по толстому ломтю хлеба. Серёжка ещё луковицу достал, выпросил у матери по яичку.

– Ешьте, – разрешила она, – вам расти надо, неизвестно ещё, что впереди будет. Немцев вряд ли удержат, полсотни километров всего им осталось до нашей деревни.

Девочки притихли, придвинулись ближе и осторожно разбили яйца не о лоб друг дружке, а о край стола. Серёжка подобрал крошки со стола не только перед собой, а захватил и половину сестёр. Висячая лампа освещала только стол. Деревянная кровать, широкая лавка и стены с рамками фотографий прятались в темноте. Угадывались полати, русская печка и окна, прикрытые короткими белыми шторами. Строго с иконы смотрела на них богородица. Мать отстояла икону перед сыном-комсомольцем. Говорила, что этой иконой матушка благословила её на брак, так неужели она её выкинет? Отец с Мишкой угрюмо усмехались, но сильно не спорили.

Громко тёрлась о стул серая пушистая кошка Мурка, выпрашивая свою долю еды. Мария отодвинула её ногой.

– Иди мышей да крыс лови. Грызунов развелось, откуда бы появились они. Я уж хлеб от них в кадушку прячу, да сверху гнёт кладу.

– Я наелась, – Елена первая выскочила из-за стола, прошла на кухню и тихонько плеснула Мурке немного молока из миски. Черепушкой для кошки служило небольшое углубление в полу. Туда наливали молока, оно не мешалось, не терялось, а когда мыли пол, мыли за одним и кошкину «посуду». Крысы такие большие, а кошку с начала войны не кормят, где же ей справиться с ними. Девочка наклонилась и погладила Мурку, потрепала её похудевший загривок. Уставшие, они быстро заснули. Серёжка придвинулся к самой стене, близнецы обнялись, их светлые головки белели в темноте. Мишка убрался на печь, а мать прикорнула на кровати. За окном по-прежнему шуршал дождик, когда усталое семейство затихло тревожным сном.

Утром

Утром, едва проснувшись, ещё не открыв глаза, Лена любила слушать звуки деревни. Хозяйки спешили к колодцу, взлаивали собаки, горланили петухи. Летом мимо их дома шествовало стадо коров. Медленно, подгоняемые от каждого двора хозяйкой, они сгруживались, направляясь в поскотину. Звон их колоколов будил заспавшийся хозяек, потом окончательно стихал, теряясь в пределах поскотины. С одного, а то и с двух концов деревни, с середины доносился весёлый перестук молотка. Так мужики отбивали литовки, собираясь на косьбу. Их весёлый перестук заглушал стук железа о лемех, весящий на середине деревни. Он звучал долго и протяжно, созывая колхозников на работу. Тогда родители спешили доделать домашние дела. Мать наказывала Лене присмотреть за малышами. Братьев родители старались занять личным покосом. Хотя старшему брату Мишке нравилось работать в колхозе, косить там траву на косилке. Смотреть, как травы послушно валятся под острыми зубьями стрекочущей косилки, как осыпается и плывёт по воздуху желтеющая пыльца. Бабы выкашивали узкие места и обкашивали кусты. Лена собирала с сёстрами грибы и ягоды, ломала веники, полола в огороде, не упускала возможность нарвать душицу, зверобой и мяту. Зимой их полезно заварить, спасаясь от простуды. Черета неотложных дел проходила весело. Это было год назад, ещё до войны. Сегодня за окном тихо падали крупные снежинки. Они плавали в воздухе, медленно склоняясь к земле. Лена раздёрнула шторы и заметила, как вместе со снежинками слетали на землю последние пожелтевшие листья берёзы. К дереву была прислонена широкая скамейка, где они часто собирались по вечерам. Бывало, что засиживались до позднего вечера, когда уже цикады начинали свой стрёкот в траве, а над озером сгущался туман. В сгущающейся темноте терялись соседние дома Ваулиных и Дерман, терялся скрипучий колодец с высоким «журавлём». Перед домом их Тобик, маленькая белая собачонка, весело подпрыгивал, ловил крупные снежинки. Мать ему вынесла только одну корочку, самим нечего есть. Хотя сегодня Лену поразил вкусный запах, исходящий от стола. Так вкусно у них в избе не пахло с начала войны. Из кухни выглянула мать, обтирая на ходу руки о фартук, она позвала детей к столу.

– Мишка ночью ещё ходил на озеро «морды» смотрел. Попалось ему шесть карасиков, как раз по рыбке на каждого. Я пожарила их со сметаной. Мы уже поели, теперь ваша очередь.

Девочка радостно разбудила сестёр, Сережка встал сам. Дети поторопились к столу.

– Караси костлявые, – озабоченно и радостно предупреждала их мать, – ешьте осторожно. Не торопитесь, каждому по рыбке хватит.

Лена подошла последней, на её долю оставили самую маленькую рыбку. Сначала мякишем хлеба осушали сметану. Затем отламывали головы и тщательно обсасывали её и кидали Мурке. Кошке доставался хребет и плавники, всё остальное тщательно пережёвывали. Мишка мякишем обтирал опустевшую сковороду. Лена благодарно подумала о старшем брате, поймавшего для них рыбу. Когда они сладко спали, он не поленился и сходил на озеро. Там ещё отец соорудил черед озеро переходы. В селе их называли езами. Поперёк озера попарно он вкопал длинные колья и проложил между ними жерди, сучья, обрезки досок, оставив узкие проходы. В проходы просовывали «морды». Их плели из длинного ивового прута. В эти «морды» и попадались карасики.

Мать устало присела на короткую лавку у печки. Лена присела рядом, склонила голову на мягкое материнское плечо. Мария ласково погладила дочь огрубевшей широкой ладонью. Девочка заметила у матери похudevшее морщинистое лицо, поседевшие волосы, синие вспухшие жилы на руках. Как она тяжело дышит.

– Ещё петухи не пели, как Мишка ушёл «морды» проверять. А трава сырая, пришёл весь сырой. Из сапог вода льётся. Как бы он не разболелся. – Мать говорила о сыне и о предстоящей возможной эвакуации.

– Председатель подводу к вечеру обещает, одну подводу на две семьи. Нам придётся с Дерман ехать. Так у них, сама знаешь, пятеро детей. Она ещё перину с собой хочет взять, койку железную, машину швейную, чугунок разные. Корову с собой поведёт. Куда же мы поместимся? Пешком пойдём? Я не попошусь, половина телеги моя, скажу, а половина твоя.

Мария говорила с дочерью, словно с взрослой, искала у неё поддержку в борьбе с соседями.

– Нам бы лучше вместе с Ваулиными ехать. У них только один ребёнок, да старая Матрёна.

– Одежду возьмём только тёплую и новую. Зелёное пальто своё не забудь. Посуду только железную, стеклянная всё равно разобьётся. Муку возьмём всю, что есть. Картошки бы мешка 3–4. Капусту тут оставим, сало возьмём, оно сытное. Сапоги бы не забыть. Игрушки и книги, конечно, придётся дома оставить. Икону надо взять обязательно и рамки с фотографиями. Пусть Мишка дольше поспит, устал он. Мы с тобой начнём сейчас собираться.

Но собираться им не пришлось. Не успели. Их мирный разговор прервал рокот мотоциклов на окраине села. В тихую мирную жизнь села врвалась колонна мотоциклов и серых машин. Они, натужно скрежеща, проехали мимо высоких ёлок, остановились у правления колхоза. Солдаты в незнакомой форме, выскакивали из машин, громко переговаривались на незнакомом языке. Пришельцы дико хохотали, взмахивали руками и расходились по домам. Из всех домов люди испуганно на них выглядывали из-за штор. Надрывно залаяли собаки и замолкали под меткими выстрелами немецких солдат.

– Не успели! – тихо прошептала Мария, прижимая к себе детей. – Что-то сейчас будет!

Немцы

Замерло село, жители притихли, притаились, прячась за шторами, они испуганно выглядывали на улицу. Не слышно лая собак, колодезного скрипа, криков детей. Незнакомая грубая речь чужаков наполняет улицы, да испуганное кудахтанье всполошённого куриного племени. Носятся курицы, прячутся в подворотни, ищут любую щель, чтобы спрятаться от захватчиков. Иной петух всхорохорится, взлетит на плетень, сердито прокукарекает, пока его не свалит меткая пуля непрошеного гостя. У Марии тоже немцы ловили кур, отрубали им головы, щипали прямо перед окнами. Лёгкий ветер относил лёгкие перья к дровянику.

– Не успели! – Шептала побелевшая Мария. Она загнала детей на палаты, проверила Мишку, спящего на печке. Лоб у Мишки был горячим. Видимо, он простыл, когда в не просохшей одежде вытаскивал карасей из «морды». Хорошо, что у неё сухая малина и медуница есть, аспирин, вылечит сына.

Она не успела развязать мешочек с ягодой, как в сенках послышались тяжёлые, уверенные шаги. Мария замерла, пригвождённая топотом чужих ног. Так и держала руки на узелке, не зная развязывать ли его или всё – жизнь у них уже закончилась? Первый солдат был высокий, с худощавым лицом и писклявым голосом.

– Вари русишь швайн, – приказал он, – а то пиф-паф.

Он навёл пистолет на Марию, и дети, сгрудившись на полатях, громко заплакали. Зашевелился Мишка на печке. Немец заглянул на полаты, на печку, успокаивающе усмехнулся. Большой и маленький мальчик не был для них угрозой. Два других немца, один коротышка другой рыжеватый, стоящие позади него, подобострастно усмехнулись.

– Мальчичь, один маленький мальчичь, – Мария растопырив руки, передвигалась вдоль печи, шаг вправо, шаг влево. Она настороженно не сводила глаз с немца, стараясь объяснить ему, что на печке всего лишь маленький мальчик, он не причинит им вреда. Её страх, нелепые передвижения рассмешили пришельца. Так, по его мнению, и должны относиться к ним завоеванные ими народы, со страхом и опасением.

– Свари курка, матка, – сказал один, – господа немцы кушать желают.

Мария приняла его за русского и заговорила торопливо, угодливо.

– Я всё сделаю, пусть господа немцы не беспокоятся. Передай им, что мы...

– Я тоже немец! – гордо перебил коротышка, – мы пришли освободить вас.

Мария совсем расстерялась. От кого освободить? Почему этот немец так хорошо говорит по-русски? Можно ли на него надеяться, что он поможет им? Нет, не спасёт, а хотя бы подскажет, как обращаться с этими врагами? Чего от них ждать?

– Свари курка, – строже повторил коротышка, а рыжеватый сунул ей пару куриц.

Немцы уселись за стол, достали бутылки, открыли консервы, заготовили по-своему. Коротышка бесцеремонно достал с полочки посуду, утащил за стол. Съев курицу и выпив, видимо, самогона, прогорланив трескучую песню, немцы ушли. Мария с детьми вздохнули свободнее.

Главное сейчас не рассердить врагов. Мария снова растопила русскую печь, поставила чистую чугунок с колодезной водой. Пока вода закипала, она убрала оставшиеся пёрышки, разрешила тушки на две половинки, чтобы они полностью вошли в пятилитровую чугунок. Картошку чистить она не рискнула, а только добавила соли и бросила пару лаврового листа. В маленькую чугунок она поставила варить картошку для себя и детей. Мария немного успокоилась. Зачем немцы будут их обижать, если они на них работают, если они им полезны? Она им своих куриц варить. Да и довольные они к тому же. Со стороны улицы Мария слышала их смех и весёлые крики. Среди криков она расслышала громкий голос Сони, дочери соседки. Забавляются немцы, догадалась она. Хорошо, что у неё Ленка ещё маленькая. Она набрала в чашку пяток картошек, немного хлеба и поднялась к детям на полаты.

Она прижала детей к себе, желая ободрить их. Затем протянула им еду. Мишку пыталась напоить отваром липового цвета и медуницы. Он тяжело дышал, липкий пот выступил на его лице и руках. Мария обтёрла его тело, заставила выпить лекарство. Половину Мишке удалось проглотить, остальное пролилось мимо. Мария тупо стояла у окна, не могла найти в себе силы бороться за жизнь детей дальше. Она не знала, что ей сейчас делать? Чужие люди в её доме, они сейчас распоряжаются её жизнью и судьбой её детей. Они шумят, пьют, поют песни. Они полные хозяева над нею и её детьми. Как она сможет их защитить? Мария посмотрела за окно. Там по-прежнему расстилалось озеро с построенным её мужем язом. Чернели чёрёмухи и затерявшаяся среди них рябина. На ветках чернели ягоды, ребятам нынче не было времени собирать их. Неугомонные воробьи перелетали с ветку на ветку, да лохматая ворона тяжело опустилась на высокую ель. Им нет дела до немцев. Обернуться бы с детьми тоже птицами и покинуть родные места на время, пока враги не уйдут. Они всё равно уйдут. Должны уйти. Как хорошо было год назад, думала Мария, как хорошо было ещё вчера. Надо только пережить это тяжёлое время. Немцам понравились её варёные курицы. Может, пронесёт? Надо только потерпеть и прежняя жизнь снова вернётся в их дом.

Крики на улице усилились. Кричали бабы, шумели старики, плакали дети. Их плач и смятение перекрыли чужие громкие, повелительные и весёлые голоса. Лена, сидящая ближе к окну, осторожно отодвинула шторку и прильнула к стеклу. Потом резко отшатнулась, закрыла лицо руками. Плечи её затряслись в безудержном плаче. Немцы, услышав крики, посмотрели в окно и быстро выскочили. Близнецы тоже потянулись ближе к окошку, но Лена резко оттолкнула их к стенке.

– Мама, там такое, такое – плакала девочка – не пускай малышкой, они ещё маленькие. Это же немцы, они враги, это война!

Лена считала себя вправе вместе с матерью отвечать за жизнь малышкой. Мишка болен, а Серёжка ещё мал, кто сейчас матери поможет? На улице творилось не поправимое и страшное. Немцы хватали стариков, детей и женщин и бросали их в колодец. Лена заметила, как они схватили Соню, Розу и остальных детей их соседей Дерман. Как немец ударил прикладом полную соседку, вцепившуюся ему в нос. Рядом заталкивали в колодец худого старика. Он ухватился пальцами за верхние брёвна, а немец с хохотом отрубал их длинным предметом, похожим на саблю. Мальчонка спрятался за сруб колодца, но враг достал его и рывком закинул внутрь колодца.

– Что там такое ты увидела? – Мария недоверчиво и с досадой посмотрела на дочь. Она надеялась, что на улице ничего не происходит такого ужасного, что детям нельзя смотреть. Так сердятся на гонца, принёсшего неприятное известие. У Марии не хватало больше сил, чтобы примирятся с дальнейшими неприятностями. Она поразилась, увидев, как высокий немец тащил за волосы девушку к колодцу. Та цеплялась за каждый выступ земли, за любую травинку и веточку. От её тела осталась на земле широкая ровная полоса. Уцепившихся вместе мальчиков, не могли протолкнуть в колодец. Тогда враг выломал жердь из огорода и протолкнул их внутрь.

– Нелюди, – прошептала она, отползая от окна.

– Это они евреев, – определила девочка. – Я узнала их.

Они долго сидели, молчаливо осмысливая пережитое. Малыши и Серёжка бессмысленно сидели, теряясь в догадках, что там происходит на улице. Однако они знали, что пришли злые враги, которых следует опасаться, от которых их не смогут защитить их мать и старшая сестра. А Мишка лежит больной. Мария уцепилась за мысль, что это они только евреев топят, значит, их они не тронут. Только нужно вести себя как требуют сложившиеся обстоятельства. Разбираться будут потом, когда прогонят немцев, сейчас требуется выжить и сохранить детей. Нельзя, чтобы они показывали недовольство немцами, нельзя, чтобы немцы были не довольны ими.

– Вы только молчите – строго приказала она малышам – молчите, молчите, молчите! Не куда с полатей не слезайте, только в туалет. Картошку я вам тоже сюда принесу. Может, они и не придут к нам больше, может они к другим уйдут?

Мария брезгливо сгребла объедки со стола. Собак в селе не осталось, пришлось выносить их на берег озера. Там образовалась глубокая яма, откуда брали глину на печку. Крики на улице затихли. Возвращаясь, Мария мельком посмотрела туда и успела заметить детский ботинок, валявшийся на срубе колодца.

Вечер и ночь

После ухода немцев дети спустились на пол, осторожно подошли к столу. Широкая лавка, стол и пара стульев показались им чужими, осквернёнными присутствием врагов. За родным раньше столом сейчас не хотелось ни сидеть, ни обедать. Они снова вернулись на свои родные полаты. Мишка тяжело дышал, Мария поила сына отваром медуницы. Трава хорошая, должна помочь сыну поправиться, только бы немцы больше не приходили. Хоть одну бы ночь провести без них. Не получилось.

Мария чутко прислушивалась, благословляла каждую минуту тишины в сенках и за окнами. Долго было тихо, дети уже заснули, она и сама чутко задремала. Но тут тишину прервали громкие шаги мужиков. С сердитыми криками они поднялись по ступенькам, прошли по сеням и зашли в дом. Трое знакомых ей немцев, они затащили избитого дальнего родственника Марии Федора. Они встречались на свадьбе её сестры. Там он ловко играл на гармошке, гости дробно отплясывали, пели весёлые частушки. Сейчас он стоял поникший с большим синяком на лбу, со ссадинами на щеках и на губе. Разорванная белая рубаха оголяла его широкую с засохшими пятнами крови грудь. С завязанными за спиной руками и босыми ногами он тяжело опустился на лавку.

– Об одном жалею – устало сказал он, мельком взглянув на Марию – что не увижу, как погонят вас обратно, да не смогу ещё раз на гармошке сыграть, с моей Фросей повидаться.

Высокий солдат размахнувшись, свалил пленника на пол. Коротышка принялся бить его ногами. Федор закрывал голову руками, глухо стонал.

Рывком его снова подняли на лавку, допрашивали, где партизаны? Сколько их пришло в деревню? Где скрываются другие?

Мужик упрямо молчал, придерживая руками лохматую седоватую голову. Марие хотелось пригладить его волосы, выгнать немцев, дать ему напиток, но она ничего не могла для него сделать. Она только крепко запомнила его слова, надеясь потом, а вдруг, она сможет передать их его родным. Близнецы зашевелились, Мария погладила дочерей по голове, не давая им приподниматься. Пусть лучше спят или делают вид, что спят. В дремоте допрос перенести легче, словно во сне это происходит. Пленника повали на лавку, привязали ему ноги и руки, оголили спину и стали бить узким ремешком, выдернутым из Мишкиных брюк. Федор глухо стонал, ремень смачно ложился на его спину, покрывая её красными полосами. Красное пятно расплывалось все шире. Мария сейчас не столько жалела мужика, сколько хотела, чтобы быстрее всё закончилось. Мужика всё равно уже в живых не оставят, так пусть его муки быстрее закончатся. Тогда и она будет меньше переживать, и дети спокойней поспят. Мария посмотрела на икону, молила её о помощи. Разве можно допустить, чтобы человека так истязали? Но богородица по-прежнему строго смотрела с рамки, словно ничего страшного не происходило. Лена не только проснулась, а подтянулась ближе к краю и через дырочку в шторе смотрела, как истязают пленного. Мужик уже не стонал, голова его свесилась до пола, покрасневшая от крови, спина уже не чувствовала боли. Мария надеялась, что пленнику сейчас уже всё равно, он там, где нет ни боли, ни страха, ни немцев. В какой то мере она даже позавидовала ему. Для него уже война закончилась, а вместе с ней и мучения. А что ждёт её и детей?

Немцы заготовали по-своему. Они волоком вытащили истерзанного пленника на улицу. Мария упорно вглядывалась в темноту, пытаясь определить, куда направились враги. По свету фонаря она определила, что немцы приволокли Федора к колодцу и бросили его там. Притихшие дома освещались синеватым лунным светом. Их берёза темнела перед окнами. Враги, к великой радости Марии, прошли мимо её дома. Они свернули на центральную улицу и пропали в темноте. Мария отошла от окна. Лена тихо спустилась с полатей, присела у тёплой печки.

Светлое платье её белело в сумерках. Девочка вопрошающе смотрела на мать, потом опустила голову, сжалась в комочек.

– За что они его? – прошептала тихо, боясь разбудить детей. – Он партизан или пришёл от наших? Куда они его дели?

– У колодца бросили, надеюсь, что сюда они больше не придут?

– Хорошо бы – прошептала девочка. Мать присела рядом с дочерью. Чем она могла успокоить её, помочь, пообещать. Они все во власти злой судьбы и воле жестоких врагов.

– Я его узнала, это Фёдор, муж тёти Фроси. Они живут в дальней деревне – призналась Лена.

– Молчи, молчи, молчи! – испуганно зашептала мать, сердито шлёпая дочь по плечу – молчи и никому ничего не говори, пока наши солдаты не придут.

Она не знала, как признание дочери может повредить им, но крепко усвоила, что только молчание и покорность могут сейчас спасти их.

По-прежнему полная луна караулила тревожную тишину. Неслышно было живых деревенских звуков. Не пели петухи, не взирали собаки, не таились в кустах любовные парочки. Только с центральной улицы доносился гул голосов. Это пьяные немцы, ночевавшие в правление колхоза и в сельсовете, перепились самогона и своего шнапса. Мария взяла ведро с водой, тряпку и затёрла кровь у лавки. Изба снова приняла прежний вид. Дети встанут, хоть меньше испугаются. Мария пыталась заснуть, завтра её ожидал напряженный день, когда требуется вести себя очень осторожно, чтобы не рассердить врагов и сохранить жизнь детей.

Часа через три сильный удар разбудили Марию. Дальше послышался треск автоматных очередей и такой грохот, словно треснул лёд на озере или отдалённо загромыхал гром. Мария соскочила с полатей, подбежала к окну. Пыхало на центральной улице. Всполохи огня разгоняли темноту ночи. На фоне зарева мелькали чёрные фигурки людей. Она не могла отсюда разобрать, враги это бегали или наши. Однако они стреляли друг в друга, то видимо, пришли партизаны. Опять будут допросы, с неудовольствием подумала Мария. Зачем немцев злить, пусть с ними воюют настоящие солдаты. Проснулись дети, близнецы прижались к стенке полатей, Лена смотрела в окно. Серёжка тоже соскочил, встал рядом с матерью. Мишка тяжело заворочался. Мария мигом поднесла у его губам тёплый отвар медуницы, сохраняемый ею в глубине печи. Мальчик разлепил воспалённые глаза. Температура у него снова поднялась, но большой выпил почти всю кружку. Это успокоило мать, позволяло надеяться на лучшее.

Эвакуация

Здания ещё горели, а по домам уже бегали люди, приказывая всем в течение двадцати минут собираться к центральной площади. Там стояли три машины. Места мало, поэтому дожидаться всех не будут. С собой разрешалось брать только то, что они смогут унести на руках, но документы обязательно. Мария, теряя драгоценные минуты, не знала за что взяться. Значит, они уезжают, значит, немцы больше не придут к ним. Это была не только огромная радость, но и большая забота.

– Лена, Серёжка, собирайте девочек – торопила она, стоя посреди комнаты и обхватив голову руками. – Там полмешка ржаной муки есть, берите. Крупа ещё в мешочках, сахара немного, сала, яйца. А картошка? Куда я её оставляю? Корова и овцы, корова же у меня!

Лена кидала младшим сёстрам одежду, строго приказывая самим одеваться. Себе за пазуху она сунула конверт с документами, с бумагами, как называла их мать. Серёжка сам оделся, прихватил мешок с мукой, пошёл на улицу. Тяжёлый мешок пригибал его к земле. Мальчик надеялся, что он успеет за отведённое им время добраться до машины, а там ему помогут забраться в кузов. Он сделал всё, что от него положено. Мать и сестра с малышами разберутся сами. Хоть партизаны прямо и не сказали, но Серёжа догадывался, что больного брата придётся оставить. Он торопился, пригибался под тяжёлым для него мешком и кусал губы, боясь расплакаться. Брата жалко, одному ему трудно выжить.

Мария опомнилась и сунула малышам по кулёчку крупы и сахара. Лену она нагрузила мешком, впопыхах напиханной тёплой одежды, отправила их на улицу. Теперь следовало позаботиться о Мишке. Она тоже выскочила на улицу, заметила у колодца троих мужиков. Они торопливо копали яму, вырывая могилу для Федора.

– Трёх посылали взрывать немцев, один попался – грубовато сообщил Марие коренастый мужик с серыми обвисшими усами.

– Это Фёдор, мой дальний родственник, муж двоюродной старшей сестры – мягко сказала Мария.

Она попросила помочь ей больного сына с печки снести.

– Да ты, что, женщина! – Сердито обернулся его напарник. – Вы не поняли, Быстро надо собраться, места мало, дорога тяжёлая. Население, которое не может самостоятельно передвигаться, мы оставляем на месте.

Мужик отвернулся, с силой вонзил лопату в почву, углубляя могилу. Мёрзлая земля поддавалась туго. Двое других тоже старались не смотреть на Марию. Она растерянно оглянулась, пытаясь поймать взгляд солдат. Она не могла и не хотела поверить услышанному.

– Как оставить? – переспросила с недоверием. Свои русские солдаты не могут не помочь ей.

– Берём только тех, кто может сам передвигаться – жёстче подтвердил крепыш. – Быстрее женщина, а то сами не успеете. Дорога тяжёлая, мы его всё равно по пути выкинем. А дома он, может быть, ещё и выживет.

Женщина обхватила голову руками, медленно направляясь к дому. Как оставить? Почему? Это не возможно, нельзя! С кем оставить?

Постепенно она убыстряла свои шаги, смирившись и желая за оставшиеся минуты как можно больше помочь сыну.

Сначала она принесла ему тёплый отвар. Быстро постаралась напоить. Он немного выпил, открыл глаза. Она поправила ему подушка, стащила с полатей старое одеяло. В доме не осталось ни крошки съестного. Мария быстро нагрела и притащила ведёрко картошки. Слабо богу, воды ещё осталось больше, чем полведра и дров на одну топку хватит.

– Мы сейчас уйдёт в лес – шептала она, низко наклоняясь к сыну. – Тебя мы не может взять с собой. Поправляйся, поправляйся, поправляйся – горячо шептала она, прислушиваясь к торопящим гудкам машин. Мать перекрестила его и в слезах выбежала на улицу. Машин было три, первая уже трогалась с места. Впереди её торопилась её соседка Татьяна Ваулина, волокла с собой мешок картошки. Мария закричала, замахала руками. Её крики подхватила соседка. Остаться здесь она теперь не хотела даже ради сына. Слезы обильно текли по её лицу, она плакала от горя, отчаянья, от страха. Тронулась вторая машина. Мария ускорила шаги и почти догнала соседку. С последней машины им махали руками, какой-то мужик соскочил, подхватил мешок у Ваулиной, закинул его в кузов, помог забраться им. Её дети сидели у самой кабины. Лена прижимала к себе девочек, а Серёжка приткнулся рядом. Дети сидели на мешке с мукой, а мешочки с крупой и сахаром держали на коленях. Они были одеты в тёплые шали, зимние пальто и в рукавицы.

– Сына пришлось оставить, пожаловалась она людям – места бы ему нашлось. Как же он теперь один будет? Непременно умрёт.

– Я тоже оставила – угрюмо отозвалась соседка.

– Так ты Матрёну.

– Ну и что? Мать!

Татьяна тоже плакала, прижимая к себе сына. И остальные сидели хмурые, молчаливые. Стариков и старух среди них не было – оставили. У кабины, рядом с её детьми, приткнулась молодая широколицая женщина с большим рюкзаком за спиной. Она старательно отворачивалась от других, пряча грудного ребёнка. Женщина прикрывала малыша, кроме одеяла, ещё и шалью. Ему было не больше трёх месяцев. Они ехали по лесу, по грунтовой дороге, из почвы выпирали толстые корни деревьев. Они пересекали дорогу, и машину часто потряхивало. Все, как по команде, оглянулись назад, прощаясь со своим селом. Горел сельсовет и школа, ещё пара домов, валялись разбитые перевернутые мотоциклы. Дома уменьшились до размера пуговицы, Мария уже не могла различить своё жильё даже по высокой берёзе.

– Хоть нас взял, – благодарно проговорил Павел, коренастый мужчина с рыжеватыми усами, – коровы с овцами только остались, помрут бедные. Иконы, рамки с фотографиями тоже забыли взять.

Павел не жаловался, а просто констатировал факт. Он здесь родился, хорошо знал места и уговорил командира прорываться через его деревню. Среди хмурых печальных лиц, у него было хорошее настроение. Павел радовался, что в последний момент ему удалось прихватить отца с матерью, с двумя сёстрами. Всё прошло удачно. Им удалось захватить машины, расправиться с фашистами, и он не подкачал. Ему сумел незаметно пробраться, забросить связку гранат, подстрелить не менее трёх фашистов. Жаль, погиб Фёдор и пятеро солдат, но всё равно эта маленькая победа за ними. От него беженцы узнали причину своего спасения. Оказывается, рота солдат отстала от своей части. Она с боем прорывалась к своим. Многие погибли. На своём пути они решили прихватить жителей деревни, но только тех, кто сам передвигается. Возможно, они смогут добраться до Левёнок. Это тоже деревня. Там, по их мнению, уже должны задержаться русские. Ещё дальше, за 30 километров, находится посёлки Тимошино и Бор. Они находятся близко друг от друга, всего трёх километрах.

Мысли Марии, как и её односельчан, бродили в другом направлении, тревожными неясными кругами. То она думала, куда и как далеко их привезут? Где и как она сможет накормить детей? Но, она всё время размышляла шансы выживания её сына Миши. Возможно, что он отлежится и сам сможет затопить печь? Возможно, что немцы обойдут их деревню стороной? Мишка наберёт картошку, сварит её и поест. Так она успокаивала себя, хотя знала, что шансов выжить у сына очень мало. Может, соседка Матрёна добредёт до него? Но Матрёна уже год как не выходит на улицу. Эвакуированные переживали об оставленной живности, коровах, овцах и кошках. Иконы и фотографии в рамках, может быть, ещё и сохранятся, но вряд ли? Что будет

с их домами? Когда они смогут вернуться обратно? С каждым километром они уезжали всё дальше от родных мест. Но, многие молились, чтобы машины всё дальше ехали, чтобы они не ломались, чтобы бензин у них не кончался.

– Чем дальше уедем, тем больше шансов не попасть снова в лапы немцев – озвучил общее желание Павел – надоело по болотам да лесам бродить.

– Пора бы фашистов остановить – подал голос молодой солдат. – Скоро Москва будет, а мы всё пятимся.

Так говорить ему давала право рана на голове. Капли крови проступали у него из-под низко надвинутой шапки. Ксения передала младенца Лене и достала из рюкзака белую толстую марлевую ленту, протянула раненому солдату.

– Вместо бинта вам будет, впопыхаххватила, свивальник это – смущаясь, объяснила она. – Моему малышу он уже не нужен, ему почти четыре месяца. Сельчане одобрили её решение. Они сами, под робкие протесты солдата, обернули его голову свивальником. Кровь течь перестала.

Они проезжали скошенные поляны с поставленными стогами сена. Вдали виднелись избы с топившимися печами. Совсем по-домашнему по улице бегали собаки, бродили куры и даже бегали мальчишки. На высоких тополях летали вороны. На крышах домов мельтешили мелкие птицы. Солнце поднялось высоко и грело совсем по-летнему. Остановились они около 0 часов у маленького села с высокой водокачкой.

Привал

Местность не вызывала радостное настроение. У грузовых машин суетились солдаты. Мужики в фуфайках рыли узкие глубокие траншеи по краю широкого поля. Солнце щедро освещало высокие дома с маленькими постройками, расположенными вокруг него. Половина картошки на огородах оставалась не убранной. Ярким пятном желтели головки подсолнуха у крайнего огорода. Пассажиры растерянно осматривались, осторожно выбирались из машины. Первыми выпрыгивали солдаты, бабы им подавали маленьких детей. Мария удалось выбраться самой, принять на руки младших дочерей, подать руку Серёжке и Лене. Свой скарб они оттащили чуть в сторону и снова растерянно смотрели кругом. К ним присоединилась Ксения, которой Лена помогла слезть с младенцем. К ним подошли остальные сельчане. Испуганные, они жались друг к другу, надеясь, что кто-либо из начальства обратит на них внимания и поможет им. Они особенно надеялись на Павла, который ходил из одного дома в другой. У него рядом родители, он о них обязан позаботиться, а за одним поможет и им. Некоторые бродили до ближнего кустика. Возвращаясь обратно, они старались задержаться у дома, где предположительно находилось местное начальство. Они отдалённо слышали названия деревень: Лазанево и Лузуковы.

– Это, наверно, ближние деревни, – строили они свои догадки наиболее опытные – возможно, что туда нас направят? Не оставят же здесь погибать?

– Наши мужики воюют, деревню заняли немцы, что нам теперь делать? Погибать? – Теряли терпения бабы, требуя к себе внимания.

Дети боязливо жались к матерям. А у них не хватало силы не только накормить детей, но даже ободрить, успокоиться малышей. У них нет сейчас крепкого дома, нет печи, где было бы можно приготовить еду и согреть детей. Они не смогут защитить детей даже от дождя и холода. Но, прожив сутки под немцами, они оценили, что значит быть среди своих. Здесь хотя бы ни кто не сможет их убить, говорят по-русски.

– Картошка у людей ещё не выкопана, – делали вывод более наблюдательные. – Дали бы нам работу, мы бы хоть на еду заработали.

Мимо них неровным строем уходили группы солдат. Они деловито шагали, угрюмо смотрели на них, как на помеху.

После полудня к ним подошли деревенские старики и старухи. Они осторожно спрашивали, кто они и откуда приехали? Тяжело вздыхали, услышав про зверства немцев. Жаловались, что постояльцев у них уже много. В каждом доме по 3–4 беженцев остановилось. Подумавай и помявшись, они уводили к себе наиболее сильных людей, ещё не старых и без детей. Родители Павла нашли себе пристанище. Марию с детьми да Ксению с ребёнком ни кто не взял.

Они замечали этого странного мужика, бродившего с батожком, разговаривавшего с проходящими людьми, подходившего к солдатам. С ним разговаривали терпеливо, но недовольно поджимали губы, недоумённо разводили руками. Мужик подошёл к беженцам, и они увидели пожилую женщину с усталым лицом, с поседевшими волосами, выбивавшими из-под сдвинутой на затылок вытершей шапки. Она оглядела их, виновато улыбнулась и посетовала.

– Хорошие мужики ушли на фронт, меня оставили за хозяйку. А что я могу? Лошадей нет, людей нет, ничего нет. Что я могу, то я и делаю. Вот попросила повара накормить вас. Крупы выписала. Солдат попросила котелки вам на время дать. Что я ещё могу, вот кухня скоро приедем, накормит вас. Потом в Лазанево да в Лазуково вас направлю. Там большие колхозы, однако беженцев туда отправлено немало. Ничего, должны потесниться. Туда добираться 10 и 15 километров. Пешком придётся идти, лошадей нет.

Эвакуированные жители слушали женщину внимательно, запоминая каждое её слово, которое определяло их дальнейшую судьбу. Поняв, что их собираются накормить, они вяло

прослушали, куда и как далёко их собираются отправить? Они сильно проголодались, запахи сытной еды, доносившиеся со стороны солдат, раздражали их. Приехавшую кухню, они обступили кругом. Высокий повар недовольно поглядел на них. Подошедшие солдаты подавали ему свои котелки, дальше протягивали их голодным людям. Они выбирали немощных старух и детей, хотя толпа в основном состояла из них. Котелков не хватало, люди толпились, неловко отталкивали друг друга. Ксюша достала из рюкзака пару чашек и ложек, половину протянула Марие. Семейство Марии получило тарелку и котелок густого супа. Обе она отдала детям, весьма довольная, что хоть они будут сыты. Лена орудовала ложкой, торопливо наливая в жадные рты пищу своим младшим сёстрам, не забывая покушать и сама. Сережка торопился поест. Половину тарелки он оставил матери, и резко отвернулся, когда Мария отказалась от еды. Мальчик не был сыт, но оставить голодной мать он не мог. Дальше беженцев повели на ночлег. Странная женщина водила их по домам, просила приютить их хотя бы на одну ночь.

– Они накормлены, – с гордостью уверяла она – завтра я их отправлю в Лазанево и в Лазуково, пусть там о них заботятся, а сегодня они должны где-то ночевать.

Мария и остальные почувствовали себя лишней обузой, во всём зависящих от милости людей, проживающих в своих домах. Им не повезло, что их деревню заняли немцы. Сейчас они бесправные, бесприютные, нищие. Хозяйка отнекивались, жаловались на тесноту, но в каждом третьем доме председателю после долгих уговоров удавалось оставить одну семью.

Марию с Ксюшей председателю удалось пристроить в последнюю избушку, стоящую у дороги, на окраине села. Хозяйка встретила их со сковородой в руках. Незваные гости испугались и рассердились, думая, что хозяйка так встречает гостей.

– Нет, это не на вас – поняв испуг гостей, улыбнулась женщина. Мелкие морщинки сгруппировались в уголках её голубых глаз. Грустная улыбка осветила худощавое лицо с тонким носом и бледными губами. Она положила сковороду, вытерла руки о фартук и объяснила. – Оладейки хочу стряпать из ржаной муки с отрубями. Хоть хлебным духом в избушке запахнет.

Она чувствовала себя отчасти виноватой, что встретила гостей так не приветливо, что сразу согласилась принять их всех вместе.

– На полу места всем хватит – рассуждала она – старое одеяло постелю, фуфаяк накидаю, вот ночь и проведёте. Печку сильнее подтоплю, дров пока хватит. Мария была согласна ночевать и на полу. Она устало присела на лавку. Дети пристроились рядом с матерью. Обстановка избы у хозяйки, она назвалась Марфой, напоминала их комнату. Также в углу стояла громоздкая русская печь с короткой, но крепкой лавочкой. У окна, тоже в углу стоял деревянный стол, прикрытый потёртой сероватой клеёнкой. На подоконнике краснели высокие герани, а в маленькой, видимо прохудившейся чугунке, рос алой. Потемневшая икона приютилась над столом. На стене висели две рамки с фотографиями. Пол устлали полосатые домотканые половички. Даже широкая кровать здесь тоже стояла у стены. Мария сразу живо вспомнила своё покинутое жильё. Своего сына, как он там? Жив ли? Кто ему пить подаст? Печь истопит? В её доме сейчас, скорей всего, холодно. Больной сын медленно умирает. Что он думает? Или лежит без памяти? Марфа рассказывала, что муж её и сын сейчас воюют. Оба были ранены, сейчас снова на фронте. Лена сказала, что их папка тоже там. У Ксюши воюет муж и брат. Общие переживания и страх за своих близких сразу сплотила незнакомых раньше людей.

– Одна я ничего не успеваю, – пожаловалась хозяйка. – На колхозную работу ходить надо, а у самой ещё картошка и половину не выкопана.

– Давайте мы вам картошку покапаем – быстро предложила Ксюша. – Я и Мария, может и Серёжа нам поможет. А Лена пусть с моим мальчиком посидит. Он у меня спокойный. Накормила его, сейчас в тепло попал и заснул.

– А что, давайте – быстро и с радостью согласилась Марфа. Вы мне поможете, и я вам картошечки дам. К вечеру кашу сварю. У меня ещё сало прошлогоднее осталось. Перед войной мы хорошую свинью убрали, а мужики мои сало не любят. Сами ушли, сало мне оста-

вили. Мария с желанием взялась за работу, которая отвлекала её от грустных мыслей. Выкапывая картошку, она даже выдумала удачный вариант спасения сына. Вот Матрёна выползает на улицу, заходит в их дом и сама растапливает печь. А почему бы ей не растопить? Дрова есть, берёсто есть, спички рядом лежат. Сон – лучшее лекарство. Мишка хорошо выспится, выпьем отвара, окрепнет и дальше сможет сам топить печь. Где спрятана картошка, он знает. Сможет сварить и поесть. Деревня их стоит вдали от основных дорог. Немцы, возможно, туда больше не сунутся. Мишка пройдётся по соседним домам, найдёт, что покушать. От своих хороших предположений Мария успокоилась. Густая каша, обильно сдобренная маслом, привела её в добродушное настроение.

Выбор

Поздно вечером они совсем по-семейному облепили маленький стол. Ели кашу из двух чашек. Хозяйка выделила им по одному ржаному оладышку. Предложила им лук и чеснок и по маленькому кусочку старого сала. Хозяйка снова повторила, что муж её с сыном и со вторым зятем воюют. И с затаённой гордостью сообщила, что двум её дочерям удалось выйти замуж за городских мужиков. Один, правда, вдовый, два паренька у него, зато своя квартира и состоит при должности. У второго зятя свой дом, он сейчас на фронте. Но, даст бог вернётся, ведь не всех же убивают.

– Конечно, вернётся, все наши вернутся, пусть и раненые, – горячо подтвердила Ксюша.

Дальше она ловко перевела разговор, как хорошо поступили дочери хозяйки, выйдя замуж за городских парней. Она сама вышла замуж за деревенского, хоть и любимого парня, но

Она замолчала, и все взрослые потупились, понимающе вздохнули. Говорить откровенней опасались. Но и так ясно, что колхозники работают за «палочки», у них нет паспорта, им трудно куда-либо переехать.

– Сейчас нас снова направляют в колхозы. После войны я окончательно буду колхозницей. Но у меня дядя работает мастером в леспромхозе. Не лучше ли мне туда пойти, устроиться работать в леспромхоз. Туда идти всего 30 километров.

Дальше Мария не слушала её. Ксюша словно отделилась от неё. У неё дядя начальником, она будет работать на производстве, а её дети так и будут работать бесплатно. Она плохо слушала дальнейшие рассуждения Ксюши, что 30 километров можно осилить за три дня. На пути встречаются деревеньки, где можно переночевать. Что родители её остались одни, дом у них просторный, они добрые. Рядом живёт старушка, у неё тоже достаточно места в доме. Она тоже добрая. Мария помогала хозяйке стелить на пол старые одеяла и фуфайки. Зелёное зимнее пальто дочери она положила себе вместо подушки. Детям в изголовье приспособила их старые пальтишки. Что ей до Ксюши и до хозяйки, которых уже нельзя считать колхозниками. С молчаливого согласия она показала Лене место у самой лавки, затем легли младшие дочери, Серёжка. Все вместе они заняли пол больше половины, справедливо решив, что Ксюше с ребёнком места тоже хватит. Она кормила малыша, укачивала его на руках, и не переставала говорить, как можно спокойно пройти даже с малыши детьми 30 километров, что в леспромхозе работать легче, чем в колхозе. Там, по крайней мере, платят.

– С ребёнком на руках, да с тяжёлым рюкзаком – не соглашалась с ней хозяйка – да ещё вам за работу мешок картошки дам, вы не скоро доберётесь.

– Почему вам? – встрепенулась Мария, – мы же пойдём в разные стороны?

Она замолчала, по-новому осмысливая недавний разговор Ксюши. Не лучше ли ей с детьми пойти с Ксюшей? Круто поменять свою судьбу? Чем на неё сердиться, не лучше ли к ней присоединиться?

Хоть Мария и устала сильно, наработалась, а уснуть всё равно долго не могла. Хозяйка Ксюшу пустила спать на кровать, а сама залезла на печь. Но ребёнок, быстро уснув, скоро проснулся. Матери пришлось его снова кормить и укачивать, бродить вдоль стола. Как она завтра пойдёт, переживала Мария, с тяжёлым рюкзаком, да с ребёнком на руках? Лена тихонько посапывала, Валя и Галя как всегда спали, крепко прижавшись, друг к другу. Сережа откатился к стенке, оставляя матери и сёстрам больше места. Он крепко спал, набираясь сил на предстоящую дорогу. Хозяйка слезала с печки, выходила на улицу. Марие удалось задремать только под утро. Она поднялась вместе с Марфой и стеснённо сидела на лавке, не зная чем себя занять? Пережидала, давала возможность детям ещё немного поспать. Хозяйка доила корову, варила кашу, толкла картошку. Мария обрадовалась, когда её предложили принести дрова и

воду. Колодец здесь был такой же – «с журавлём», и дрова лежали в ограде. В это тихое осеннее утро хозяйки спешили за водой, пели петухи, в мусоре рылись куры. Собаки спокойно бегали по улице. Ни кто не ловил кур, не стрелял собак, из колодца спокойно можно было набрать воду. Лёгкая кисея облаков не заслоняла входившее солнце. День снова обещал быть тёплым, почти летним.

Даровое угощение неловко было есть. Мария присела с краешка стола, протягивала ложку редко, давая возможность больше поесть остальным. Ксюше кормить младенца надо, да ещё и нести его. Лене с Серёжкой тоже нести мешки. Девочкам лишь бы самим дойти. Ксюша снова заговорила о своей деревне, о возможности работать в леспромхозе. Мария снова засомневалась, куда ей идти, с кем быть? Конечно, в Тимошино, куда её звала Ксюша, там ей можно надеяться на помощь её родителей. Но в других деревнях она будет вместе со своими знакомыми соседями. С Татьяной Ваулиной они смогут поговорить об оставленных помирать старой матери и больном сыне. Вместе придумают возможности их спасения. Что она будет делать среди совсем чужих людей? Всё же возможность пойти в Тимошино соблазняла. Был бы муж рядом, он бы приказал, а Марии не пришлось бы самой решать. Сейчас она подсознательно ждала, чтобы кто-то за неё принял решение. Марфа досыта накормила гостей картошкой, не пожалела она и молока.

– Я, пожалуй, дам вам тачку, – вдруг предложила она – всё легче вам будет. Тачки мне сын соорудил, одну маленькую, другую большую. Она лёгкая, но широкая и крепкая. Мешок, да двое детей в ней спокойно уместятся. Повезёте по переменке.

Она говорила о совместном уходе гостей как о вполне принятом решении. Мария не решилась протестовать.

– Тачку вы мне, когда возвращаться будет, её обратно мне вернёте. Быстрее вернёте – быстрее война закончится. – Сделала такой вывод, поменяв причину и следствие. Она приготовила для них немного хлеба и пару бутылок воды.

– Я мешок картошки вам отдам – радостно предложила Ксюша. Погасить её радость Мария не хотела. Так и решили, всем вместе идти в Тимошино. Тридцать километров, дойдут ли?

Дорога

Сначала решили, что пока маленькие девочки не устали, то они могут идти сами. На широкую и крепкую тачку положили заработанный мешок картошки, рюкзак и полмешка ржаной муки Марии. Дорога больше напоминала широкую тропинку, по которой бродили местные жители да охотники. В основном тропинку окружали угрюмые ёлочки, с высокими соснами. На маленьких, выкошенных полянках, снова выросла зелёная отава. Травка уже пожухла от недавнего заморозка.

Редкие пожелтевшие берёзовые листочки медленно слетали на землю. Осинки встречали редко, хотя их оранжевые листья хотелось поднять и рассмотреть. Девочки поднимали их, подносили взрослым, чтобы они тоже рассмотрели, и тоже полюбовались ими.

Ксюша радовалась, что Мария согласилась идти вместе с ней. Сейчас ей веселее шагать и меньше опасности встретить волка или недоброго человека. Она снова повторяла, какие добрые у неё родители, и она не оставят Марию в беде. Через час девочки пошли медленней, они устали. Пришлось их усадить на мешки с картошкой и мукой. Сейчас тачку пришлось толкать одной Марии. Ксюша и Лена немного помогали ей с бока тащить тачку. Пошли медленней, все запыхались, устали. Мария девочкам давала попить немного воды. Остальные должны были терпеть. Кое как они добрались до щедро, усыпанной ягодами, развесистой рябины, когда Сережка решительно запротестовал.

– Всё, не могу больше, отдохнуть надо.

Взрослые не рискнули протестовать, они также сильно устали. Не сговариваясь, они опустили тачку, скинули тяжесть и устало опустились на траву.

– Все десять километров прошли, – уверенно решил Серёжа.

– Всего восемь – не согласилась с ним Ксюша. – Мы всё расстояние между деревнями отмерили. Через три километра покажутся Ичетовкины. Там и отдохнём.

– Всего три осталось! – Обрадовался мальчик – легко дойдём.

Мария раздала всем поровну по куску ржаного с отрубями хлеба, дала выпить воды. Она решила сама распределять еду, а Ксюша не протестовала. Она подсказала, что ягоды рябины лучше собрать, это и еда, и жажду утолить можно. Серёжка с удовольствием выполнил её пожелания, Он подпрыгнул, наломал кучу веток с красными спелыми ягодами и оделил их сестёр и взрослых. Рябину ели тут же, отбрасывая ветки и выплёвывая оскомину.

С большим трудом уставшим людям удалось подняться с земли. Марии пришлось резко прикрикнуть на детей. Снова на тачку положили тяжёлый груз, Валю и Галю заставили пешком. Они останавливались через каждые пять минут, и жалобно смотрели на мать. Мария была неумолима. Сын и дочь и так тащили тяжёлый груз, а Ксюшу уже пошатывало. Мальчик изобрёл свой способ передвижения. Он отбегал на сотню метров, потом, не снимая груза, садился отдыхать, поджидая остальных с тележкой. Лена широко шагала, низко склонившись под грузом. Она уговаривала себя дойти до следующей ветки, кустика, камешка, отвлекая себя от усталости. Мария навалилась всем телом на тележку, медленно продвигая её вперёд. Почему-то сейчас колёса тележки цеплялись на камешек, каждый выступ и ямку. Ксюша с ребёнком уже отставала от них. Наконец деревья расступились, и показалась маленькая деревня с пятью домиками. Пришли. Деревню опоясывала изгородь, из труб тянулись дымки. Снова тут бегали собаки, к колодцу спешила хозяйка, на огорода оставались по несколько грядок не выкопанной картошки и капусты. Здесь живут люди, когда же они обретут своё, пусть на короткое время, пристанище? У крайнего дома с маленькой белой собачонкой стоял невысокий, кряжистый мужик с белыми короткими волосами. Он отогнал собаку и торопливо подбежал к Марии.

– Ты Гришу не видела? Когда он придёт? Сегодня? – Радостное ожидание играло на лице его, погасить которое было трудно. Мария растерянно пожала плечами. Ей не хотелось

огорчать старика, у которого, возможно, нужно будет попроситься на ночлег. На помощь ей спешила молодая полная женщина, в синеватом широком платье и зелёной старой, с заплатами на локтях кофте.

– Скажите, что придёт через год – тихонько шепнула она гостье.

– Видела, – с готовностью выполнила пожелание хозяйки Мария – велел передать, что через год придёт.

– Только через год, доживу ли я? Старый уже и болею часто – старик опечалился, сокрушённо покачал головой.

Путешественники устало опустились на прогретые брёвнышки, лежащие около дома. Маленькие девочки повалились на поникшую траву, Лена присела на мешок с картошкой. Серёжка вытянулся вдоль брёвен. Подошедшая Ксюша тяжело присела рядом со стариком. Мария продолжала стоять, намереваясь попроситься на ночлег у хозяйки. Она отошла с ней чуть в сторону и терпеливо выслушивала её сетования. У старика с головой не в порядке, поняла она. Ждёт своего единственного сына Гришу, погибшего ещё в начале войны. Но старый отец начисто забыл печальное сообщение и решил, что Гриша просто задерживается.

– Я ведь сноха ему, – пояснила женщина, – меня Ольгой зовут. Вижу, что устали вы и ночевать вам где-то надо. Оставайтесь у меня, куда же вам ещё идти? Полати у меня широкие, туда залазьте, а то старик вас замучает вопросами о своём Грише. Старик ещё сильный. По кустам кое как на корову смог сена запастись. На огороде мне хорошо помогает, да клеверные головки собирает. А без клевера сейчас, матушка моя, и не прожить. Клевер с ржаной мукой смешиваешь, испечёшь, картошки сварить, лука с капустой прибавишь – вот и еда. Картошка нынче хорошо уродилась. Я вас тоже картошкой накормлю. Ещё молочка налью. Как же маленькие дети и без молока. У меня оба сына на молоке выросли. Сейчас в ремесленном учатся. Там хоть накормят.

Ольге хотелось поговорить с неожиданной гостьей. Она спросила у Марии, видела ли она немцев и какие они на вид?

– Такие же как и мы, – грустно отвечала Мария, – по обличью-то и не различишь, а внутри они – нелюди. У нас в деревне людей в колодец покидали, полный колодец людьми забили.

– Да, что ты? Неужели правда? – не поверила Ольга. Как же так? – Ольга горестно вздыхала, разводила руками, не могла поверить, что так человек, пусть и враг, может поступить с человеком.

– Ты только старику не говори, а то он совсем с ума сойдёт, – предупредила она Марию.

На широких полатах, на ворохе старых одеял и шубеек удобно расположилось семейство Марии и Ксюша с маленьким сыном. Хозяйка сварила им полный чугунок картошки, растолкла её с молоком и позвала гостей к столу. Детям она ещё дала по яйцу, младенцу налила бутылку молока. Старик остался во дворе, оттуда доносился стук молотка.

– Тачку вам чинит, – объяснила Ольга, – там колёсо переднее расшаталось. Он повеселел, когда услышал, что Гриша вернётся через год, поэтому хочет вам помочь. Я хоть немного поживу спокойней.

Ночью снова, не смотря на усталость, Марии не сразу удалось заснуть. Она снова размышляла об оставленном больном Мише. Как он там? Вряд ли жив остался? Даже от холода должен умереть. Мария испугалась своей мысли, и успокоила себя призрачной надеждой. Снова в её дом приплелась старая Матрёна, которой удалось затопить печь и сварить картошку. Дети спокойно спали, полная луна светила в окно. Ксюша часто просыпалась, боясь придавить во сне ребёнка.

Утром Ольга тоже накормила их варёной картошкой, но молока налила только для младенца. Картошку она дала с собой Марии на дорогу.

Их тачка была отремонтирована. Рядом с ней стояла другая тачка с радостно улыбающимся стариком.

– Проводить вас хочет – объяснила его намерения хозяйка, – отпустить его одного я не могу. Заблудится или уплетётся в лес, где его Гриша охотился. Я тоже провожу вас, хоть половину пути с вами пройду. До следующей деревни километров двадцать будет. За один день вы их не осилите. Да, если ещё дождь пойдёт, сами вымокните и детей застудите.

Она дала им старую клеёнку, которая хоть немного могла спасти их от воды. Хозяйка ухватила за их тачку и по пути советовала им ночевать в избушке охотника. Ту избушку поставил её муж Гриша. Она находится в полукилометре от тропы, на берегу маленького ручейка. Там ещё смородина растёт, не заблудитесь.

– Только бы этот день простоял, да ещё завтра, и тогда мы спасены, – горячо мечтала Ксюша. Она несла малыша и на первых порах шла довольно быстро. Отдохнувшие девочки тоже легко передвигались, сверкая подошвами своих лаптей. Провожать гостей кроме хозяев побежала беленькая собачка. Она играла с маленькими девочками. Те в порыве игры иногда бежали навстречу матери, вызывая её недовольство.

Вы вперёд бегите, – сердито кричала она, – а то бежите поперёк дороги. Только устанете зря.

Серёжка с Леной беспокойно поглядывали на небо, на его ласковую синеву. Солнце разогнало все туманные облака, но грело уже не так жарко. Берёзы и осинки сейчас встречались чаще, заметили ещё одну рябину с тонкими ветками, тяжело свисающими гроздьями ягод. Сейчас их ни кто собирать не стал. Мария через пару километров стала отсылать хозяев обратно. Ей было неудобно задерживать их. Но, они прошли ещё два, прежде чем Ольга остановилась и стала прощаться.

– Может, ещё встретимся, обратно будете возвращаться, то мимо моего дома не проходите.

Она обняла их всех, прижала к груди Ксюшу вместе с ребёнком, а потом ещё долго махала им вслед.

Домик лесника

С уходом Ольги со стариком группа путешественников мигом загрустило. Они почувствовали себя осиротевшими, покинутыми. Да и солнышко, как нарочно, спряталось за лёгкое облачко, потемнели деревья и травы. Девочки перестали убегать вперёд, прижались к матери, попросились на тачку, где уже лежал мешок картошки.

– Глаза боятся, а ноги действуют, – попробовала ободрить их Лена, но её замечание не помогло. Мария усадила их на тачку, строго предупредив, что через пару часов они снова пойдут пешком. Серёжка опустил мешок с мукой на клеёнку и потащил его волоком. Лене пришлось взять все оставшиеся мешочки и кулёчки. Передвигались медленно, часто останавливались, отдыхали, молчали, берегли силы. По верхушкам деревьев прыгали неутомимые сороки. Птицы стрекотали, удивившись, увидев в глубине чащи людей.

– Скоро половину пути пройдем, – хотела ободрить родных Лена. Ни кто не откликнулся на её призыв. Всем было тяжело. Сережка всё чаще поглядывал на младших сестёр, стремясь согнать их с тачки. Тогда он вместо их положит на тачку свой мешок и возьмёт половину вещей у Лены. Ему идти будет легче. Через полтора километра Мария приказала дочерям сойти с тачки и идти пешком. Они нехотя вышли на тропинку и тихо поплелись, взявшись за руки. У круглого водоёма маленькая группа задержалась. Мария не смогла сдержать их желания хоть немного отдохнуть. Да и Ксюша первая присела на землю. Она повернула рюкзак боком и пристроила в выемку младенца. Сама с трудом разогнула затёкшие руки.

– Может, это и есть та речка, о которой говорила хозяйка, – с надеждой напомнил мальчик. Он надеялся, что сейчас ещё пройдут с полкилометра и их ждёт долгожданный отдых.

– Нет, рано ещё сворачивать, – быстро и сердито предупредила Лена, – хозяйка сказала, что один водоём пройдем, и только потом будет та речонка со смородиной.

– Да, знаю я, – тоскливо отозвался брат. Мария разделила всем по паре картошек, всё, чем наделила их Ольга. Они медленно жевали, рассматривая опавшие листья, плавающие в потемневшей воде. Снова слышали стрекот сорок, и где-то в глубине леса стучал дятел. Ели медленно, оттягивая время, когда снова придётся вставать, брать тяжести и идти вперёд. Первой смогла найти в себе силы хрупкая Лена.

– Хватит сидеть, дорога короче не станет. Пойдем.

– Немного осталось, – ободрила Мария, – скоро до избушки добредем.

Тяжело поднялись и поплелись вперёд. Речушку увидели сразу и все обрадовались. Каждый уверял, что это он первый заметил и понял, что сейчас нужно сворачивать вправо. Все повеселели, и даже Валя с Галей побежали вперёд, продираясь через завалы сучьев, обходя поваленные деревья.

– Стойте! – Забеспокоилась за дочерей Мария – заблудитесь. Не отходите от нас. Здесь и волки ходят.

От упоминания о зверях присмирели все. Сгрудись в кучку, внимательно вслушиваясь и всматриваясь в гущу леса. В густом переплетении сучьев сохранились ещё редкие листья, освещённые сейчас заходящим солнцем. На его фоне чётче и темнее казался затихающий лес. Отдалённо слышался скрип деревьев, шорох невидимой большой птицы, укладывающей на ночлег. Они были здесь чужими среди лесного пространства и его притаившихся обитателей. Мария повернула тачку с мешком картошки, даже прокатила её пять метров, пока тачка не упёрлась толстым корнем, выпиравший из земли. Ксюша привычно передала сына Лене и тоже нагнулась над тачкой, пытаясь хотя бы сдвинуть его с места. Уставшим женщинам хватало сил только приподнять тачку.

– Придётся оставить её здесь. – Сделала вывод Лена. – И мешок картошки тоже.

Бросить картошку, которую тащили два дня, которую можно есть? Ни за что! Однако, подумав, женщины согласились с мнением девочки. Кто картошку здесь утащит? Сейчас пока не так холодно, она не замёрзнет, если хорошо укрыть ветками, запомнить место, то нужно так и сделать. Тачку не стали сдвигать с места, торопливо закидав её лапником, поспешили вперёд. Сейчас впереди шла Лена, внимательно вглядываясь вдаль. Все они внимательно, до рези в глазах смотрели вперёд, надеясь в любое мгновение увидеть избушку. С каждой минутой нетерпение нарастало. Они сильно устали. Каждый пройденный метр им давался с трудом. Солнце скрылось за облаком, видимость резко ухудшилась. Они бы и прошли избушку, скрытую в тени высоких елей, но Валя неловко споткнулась, а поднимаясь, разглядела ветки рябины, свисающие над ровной замшелой крышей.

– Вот она, – громко крикнула она, мигом останавливая всё движение. Радость и разочарование слышалось в её голосе. Избушку нашли, это хорошо. Но, почему избушка такая маленькая? С крошечным окошком? Там, наверно, даже пола нет, печки нет, полатей нет. Где они будут спать? Однако взрослые уже засуетились, они быстро нашли тяжёлую, подпёртую палкой дверь и открыли её. В сумерках путешественники разглядели ровный пол, широкий стол, пристроившийся у окна, маленькую железную печурку и широкие нары, тянувшиеся вдоль стены. Поклажу аккуратно сложили в угол, у нар и принялись готовиться к ночлегу. Ксюша положила спящего малыша на нары, поместив его ближе к стене. Изнемогшие девочки примостились в ногах у него. Ксюша погладила их по головкам и предупредила осторожней обращаться с малышом. Сама она отодвинула ящик у стола и обрадовалась, заметив там свечи, грязный стакан с оплывшим по краям воском и спички. Она привычно зажгла свечу, свет от которой оживил пространство. Они заметили потемневший круглый мешочек, подвешенный к потолку на тонком, но крепком шнурке. За печкой Серёжка вытащил чугунок и маленькое ведёрко. Мария обнаружила сухие дрова с берёстом и спичками. Она принялась растоплять печь. Сухие дрова загорелись сразу, но появившийся при растопке слабый думок, заставил их приоткрыть двери. Ксюша предложила Лене сходить с ней поискать воду. Они прихватили чугунок и ведро, вышли на улицу, свернули в сторону ручейка.

– Это ручеёк и мимо нашей деревни петляет, – ободряюще говорила она, – я здесь как-то была однажды.

Без тяжести, они легко добрались до ручья и зачерпнули у вывороченного корня воду. Воду Ксюша внимательно осмотрела на свет и потом сполоснула чугунок и ведро.

– Однажды я также набирала здесь воду и принесла её вместе с головастиками. Хорошо, что по дороге заметила, а то бы ругали меня. Мы тогда недалеко отсюда косили. Головастики сейчас нет, но жуков и мошек тоже много бывает.

– Сейчас никого нет, – хмуро отозвался Серёжка. Он хотел спать, есть и пить, его досаждала медлительность Ксюши и её неторопливый разговор.

Когда они вернулись в избушку, Мария уже растопила печь, немного пахло дымом, который медленно выползал через дверь.

– Давно не топили, поэтому – определила Ксюша. Она быстро поставила чугунок на огонь, взглянула, как спит её сын. Тут она заметила, как девочки активно работают челюстями, а на столе лежит раскрытый мешочек с крупой и ржаные сухари. Это из того мешка, мигом поняла она, запас которого охотники подвешивают на тонкий шнур, спасая его от крыс и мышей. Не так жалко было ей продуктов, как боязнь за девочек.

– Мария, – попросила она, – отбери, пожалуйста, у девочек сухари, оставь по одному.

– Почему это? – удивлённо и с досадой резко воскликнула Мария, готовая до конца защищать еду для своих дочерей.

– Такая еда после голода может навредить им, вызвать заворот кишок, если много её съесть, – стараясь, как можно мягче, объясняла Ксюша.

– Да, мама, нам в школе тоже так говорили, – вступила в разговор Лена, забирая у сестёр ржаные сухие корки хлеба, оставляя им чуть-чуть. В школе им ничего не говорили, но так могло быть. За прошедшие два дня Лена почувствовала, что мать больше не может служить им защитой. Она заметила, как Мария старалась услужить немцам. Хотя она сама жутко боялась врагов, но такое поведение матери её покорило. Став беженкой, девочка почувствовала полную зависимость от чужих людей, в частности от Ксюши. У неё есть родители, есть дом, ей есть, где ночевать, она может приютить и их.

– Да, немного я им дала, – уже растерянно и испуганно соглашалась Мария.

– Ничего, мы сейчас быстренько пшёнку сварим, сухарики накрошим и будет у нас вкусный ужин, – успокоила собравшийся Лена.

Вода в чугунке закипела, Мария бросила ржаные сухари, а Ксюша долго, как показалось Серёжке, мыла крупу. Он бы сразу всё бросил до крупинки, чтобы хоть раз сытно поесть. Ксюша пошарила в ящичке стола и выудила пару чашек и ложек. Пока она мыла их, в избушке запахло сытной вкусной едой. Они, стараясь не торопясь, уселись вокруг стола. Не ели, а насыщались, смаковав каждую крупинку, каждую крошку. Возможность и завтра также сытно покушать делало их добрее друг к другу. Ксюша занялась младенцем, предоставив Лене мыть посуду. Уже в темноте Мария с сыном ещё раз сходили на ручку, запасли воду на завтра.

– Я тоже оставлю здесь хлеб и крупу, как только они у меня появятся, – укладываясь рядом с сёстрами, обещала Лена. Она была благодарна незнакомому охотнику, позаботившемуся о них. Вероятно, что это был погибший Гриша, муж хозяйки Ольги. Девочка была благодарна ему, но ей не хотелось оставаться хоть у кого-либо в долгу. Поэтому она твёрдо решила, что как только у неё появится возможность, отплатить. Места на нарах всем не хватило, и Ксюша решила спать на столе. Он длинный, достаточно широкий, ей место с сыном хватит. Ребёнок чувствовал себя нормально, но появившаяся на сыпь, беспокоила мать. Надо бы его выкупать, но воды мало. Ксюша лишь влажно пелёнкой обтёрла малыша и накормила его.

Взрослые обитатели избушки спали не спокойно. Они даже не спали, а просто дремали, чутко прислушиваясь. Догорала свеча, краснели угли в печурки, покрываясь беловатым пеплом. Младенец иногда всхлипывал, Ксюша похлопывала сына по спинке, и он успокоено на время затихал. Марию успокаивало, что хоть её дети заснули и спят, не просыпаясь. Есть надежда, что завтра они одолеют оставшиеся семь километров. В коротком забытье Марие успевал присниться дом, оставленный ими. То, она слышит голос коровы, то блеянье овец, то вдруг вспоминает, что пора проверить тесто. Проснувшись, она каждый раз горько осознавала печальную действительность. Она в незнакомом месте, с почти незнакомой женщиной, идёт, сама не знает, куда и зачем идёт?

Чуть только начало светать, Мария снова растопила печь, поставила чугунку, налила воду. Бросила в закипевшую воду остальные сухарей и промытой крупы. Она мешала варево, мысленно разделяя его на шесть частей. Всем она намечала выделить по одной порции, а младшим дочерям на двоих будет достаточно и одной порции. Тяжести девочкам нести не нужно, хоть бы сами дошли. Только проснувшись, дети сами поднялись. Их привлекал вкусный запах из чугунки и, им не терпелось быстрее добраться до места. Погода и сегодня порадовала их. Розовые лучи солнца всколыхнули чуть зеленоватый небосклон. Лёгкий ветерок освещал лицо, высушивая выступивший на лбу пот. Мария снова тащила тачку, девочки плелись рядом, не смея попроситься поехать. Сначала они просто держались за боковину тачки, потом налегали на неё всё сильнее. Мария уговаривала себя пройти до очередного кустика и передохнуть. Доехав, она намечала следующий ориентир, затем следующий, пока терпели тащить свой груз Лена и Сергей. Ксюша тяжело дышала, постепенно замедляя шаг. Остановились у маленькой полянке, здесь было суше и светлее. Растянулись на клеёнке, съели по маленькому сухарику и долго лежали, смотря в бездонное белёсое небо.

– Километра полтора осталось, – успокаивала Ксюша, – немного осталось, идти надо.

Однако подниматься не хотелось, не только усталость мешала Марие подняться. Ей хотелось оттянуть тот момент, когда она со своим семейством предстанет перед чужими людьми, прося у них помощи. Да ещё, какой помощи! Накормить, приютить, обогреть её с детьми. А что она может дать им взамен? Ничего, только что, они были спутниками её дочери с младенцем. Кое как поднявшись и криком заставив идти детей, она снова взялась за руку тачки и потащила вперёд, сильно налегая ручку тачки. Иногда в глазах темнело, Мария невольно останавливалась, прихлила в себя и двигалась дальше. Через километр Валя с Галей отказались идти. Они просто сели на тропинку и заплакали. Присели и остальные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.